

АНТИЧНЫЙ ПОЛИС

курс лекций

Университет Дмитрия Пожарского

Коллектив авторов

Античный полис. Курс лекций

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24133700

И. Е. Суриков. Античный полис. Курс лекций: Русский Фонд Содействия

Образованию и Науке; Москва; 2010

ISBN 978-5-91244-029-8

Аннотация

Издание представляет собой курс лекций по античному полису, написанных ведущими отечественными специалистами по данной проблематике. Курс структурирован по периодам и тематическим разделам истории древнегреческого полиса и римской гражданской общины (представлявшей собой вариант античной полисной организации). Издание предназначено для студентов-историков, изучающих древнюю историю в рамках любой образовательной программы, поскольку оно посвящено центральной проблеме современного антиковедения. Главная целевая аудитория данного пособия – студенты (магистранты) и аспиранты, проходящие профильную образовательную подготовку (специализацию) в области античной истории.

Содержание

Предисловие	5
Лекция 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Игорь Суриков

Античный полис.

Курс лекций

Отв. ред. В. В. Дементьева

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

© Суриков И. Е., текст, 2010

© Сапрыкин С. Ю., текст, 2010

© Кошеленко Г. А., текст, 2010

© Дементьева В. В., текст, 2010

© Махлаюк А. В., текст, 2010

© Григоренко М. В., 2010

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010

Предисловие

Курс лекций «Античный полис» носит в полной мере авторский характер – каждая лекция написана персонально отдельным специалистом, отражает его теоретические взгляды, его исследовательское видение вопросов изучения античной гражданской общины, его дефиницию полиса. Вместе с тем предлагаемый читателю курс есть одновременно результат коллективного осмысления проблемы полисной специфики греко-римской цивилизации российским сообществом историков-антиковедов. Принципиально важным моментом в деле координации усилий корпорации античников в данном отношении явился проведенный 3–6 декабря 2006 года в ЯрГУ им. П. Г. Демидова на базе Научно-образовательного Центра антиковедения университета Всероссийский научно-методический семинар «Античный полис: проблемы изучения и методики преподавания». В нем приняли участие 53 специалиста из 23 научных учреждений (университетов и академических институтов) России, Латвии и Украины. В их числе были представлены ведущие ученые Института всеобщей истории и Института археологии РАН, деканы и заведующие профильными кафедрами лучших исторических факультетов классических университетов страны (МГУ, Нижегородского, Казанского, Саратовского государственных университетов). Работа семи-

нара включала в себя лекции ведущих отечественных антиковедов по проблемам полисной организации греческого и римского мира, круглые столы с обсуждением ключевых вопросов, сообщения по конкретным темам. Специалисты МГУ, РГГУ, МГОУ, Казанского, Саратовского, Нижегородского, Ярославского, Ставропольского, Белгородского, Сыктывкарского, Челябинского, Ивановского, Волгоградского, Кубанского, Тамбовского, Херсонского, Латвийского государственных университетов, а также педагогических и технических вузов (Новосибирского ГПУ, Липецкого ГПУ, Арзамасского ГПУ, Ярославского ГПУ, Вологодского ГТУ) представили свои научные исследования и учебно-методические разработки по обсуждавшейся проблематике.

Научно-методический семинар по античному полису был проведен как этап курсов повышения квалификации преподавателей античной истории и классической археологии университетов страны. Организатором курсов явился ИВИ РАН, руководство которого представляли в Ярославле заместитель директора по научной работе профессор М. В. Бибиков и руководитель Центра по интеграции вузовской и академической науки, ведущий научный сотрудник М. С. Бобкова. Дискуссии, проведенные в ходе семинара, явились весьма плодотворными; они позволили наметить магистральные направления российских антиковедческих исследований в русле изучения полисной организации, способствовали выработке унифицированных требований к квалификационным

работам по античной истории, а также выявили трудности преподавания тем полиса и пути их преодоления. Одним из этих путей повышения качества преподавания было признано создание соответствующих учебных пособий; в итоге практической реализации этого пути и появился данный курс лекций.

Специалисты, подготовившие и прочитавшие лекции по полисной организации на названном семинаре, а также сделавшие доклады по отдельным ключевым проблемам ее изучения, и явились авторами отдельных лекций настоящего курса. Естественно, что теоретико-методологические расхождения между подходами к проблеме оказались неизбежными, что, однако, не должно создать существенных трудностей для читателей, а наоборот, наглядно проиллюстрирует для них дискуссионность ее обсуждения.

Курс лекций по античному полису был задуман как хронологически выстроенный: от полиса эпохи греческой архаики до римской *civitas* периода принципата. При этом лекцию по соответствующему отрезку времени писали авторы, занимающиеся исследованиями именно в этом хронологическом срезе. Этот принцип авторский коллектив постарался выдержать с тем, чтобы обеспечить в полной мере научный уровень, отразить современное состояние изучения излагаемых вопросов.

Создатели лекционного курса задавались также целью отразить ключевые моменты, свойственные всей истории по-

лиса, независимо от локальных и темпоральных его вариантов, «точки пересечения», характерные для всех тем его изучения, – вопросы определения полиса, полисного гражданства, экономических основ полисной жизни, его сакральной пространственной организации, политического устройства и др. Тем самым члены авторского коллектива пытались взаимодополнять лекции друг друга, возвращая читателя к узловым сюжетам, показывая одновременно и новые грани проблемы.

Авторы видели свою задачу и в том, чтобы изложить материал в доступной форме, сформулировать научные положения понятным даже для начинающих студентов языком, давая необходимые пояснения. Отсылки на исследовательскую литературу приводятся преимущественно в скобках – указанием на фамилию автора, без развернутого подстрочника, чтобы не перегружать текст учебного издания справочным аппаратом.

Пособие предназначено прежде всего для студентов, обучающихся по направлению «История» в классических университетах. Оно может быть полезным и для студентов-историков педагогических вузов, а также для студентов других гуманитарных образовательных программ. Изучающим римское право, классическую археологию, античную философию и культуру весьма важно ориентироваться в исторических реалиях полисной организации. Историческая антропология, история искусства, ряд других гуманитарных на-

правлений подготовки, предполагающих полноценное изучение античности, также требуют пристального внимания к темам греческого полиса и римской civitas.

При этом студенты, изучающие древнюю историю по программе бакалавриата, могут составить общее представление о специфике греко-римской цивилизации как цивилизации полисной, а студенты, специализирующиеся по античной истории (включая тех, кто проходит магистерскую подготовку по антиковедческому профилю), смогут более глубоко вникнуть в теорию полиса, историографическое его изучение, отдельные варианты полисной организации и т. д.

Полезным, по мысли создателей, должен оказаться данный курс лекций и для аспирантов исторических факультетов, поскольку он не только дает возможность представить «широту картины» исследовательского пласта проблемы, но и содержит необходимые отсылки к научной литературе, позволяющие самостоятельно продолжить «погружение» в полисную тематику – центральную для мирового антиковедения уже потому, что полис явился тем социумом, который обусловил историческую суть античной цивилизации.

В. В. Дементьева, И. Е. Суриков

Лекция 1
И. Е. Суриков
Греческий полис архаической
и классической эпох

Бесспорно, тема полиса является одной из ключевых (а может быть, и просто самой главной) при изучении антич-

ности, во всяком случае греческой античности доэллинистического времени. Не имея адекватного понятия о полисе, в истории этой эпохи вообще мало что можно в полной мере постигнуть. В то же время следует отметить, что составление этого адекватного понятия об античном полисе – дело очень нелегкое. Полисная проблематика не только исключительно важна; она с полным основанием может быть названа также чрезвычайно сложной – как ввиду своей многогранности, так и в связи с подчеркнuto дискуссионным характером многих возникающих вопросов, отнюдь не решенных еще и по сей день, остающихся предметом напряженных споров. Поэтому, разумеется, и то, что будет сказано нами ниже, не претендует быть некоей «истиной в последней инстанции»; это один из возможных взглядов на полис, хотя мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы сделать нашу позицию максимально аргументированной, насколько это возможно в рамках ограниченного объема работы.

Отметим сразу, что имеют право на существование самые различные подходы к проблеме полиса. В русле одного из таких подходов особенно интенсивную работу провел Копенгагенский центр по изучению полиса под руководством выдающегося антиковеда М. Хансена. В качестве своеобразной «сверхзадачи» этот центр поставил выработку определения феномена полиса – определения развернутого и исчерпывающего, которое было бы внутренне непротиворечивым, соответствовало бы полной совокупности источниковых дан-

ных, а также по возможности удовлетворяло бы всех работающих на данном поприще специалистов. Вне всякого сомнения, эта задача весьма актуальна. В историографии, как известно, бытует множество определений полиса, подчас весьма сильно отличающихся друг от друга. В каждой из этих дефиниций выдвигается на первый план то одна, то другая сторона изучаемого явления (нередко в ущерб всем остальным), в результате все они страдают теми или иными недостатками, больше всего неполнотой, и, как следствие, неудовлетворительны или не вполне удовлетворительны. В подобной ситуации решительно необходимо рано или поздно прийти к «общему знаменателю», без чего вряд ли возможно результативное движение вперед.

Однако сама эта ситуация показывает, насколько все-таки трудно прийти к искомому определению, которое можно было бы назвать во всех отношениях безупречным. Не удивимся, если эта цель так и не будет достигнута. С одной стороны, весьма импонирует, что исследователи, участвующие в разработках Копенгагенского центра, стремятся понять, какой смысл (или смыслы) вкладывали в понятие «полис» сами античные греки, и уже на основании этого попытаться прийти к определению данного понятия, а не навязывать им это определение, исходя из априорных установок. Для этого предпринимается тщательнейшая проработка всего колоссального источникового корпуса по греческой античности, включая и нарративную традицию, и эпиграфические тексты, и

даже археологические памятники: всё это может иметь прямое или косвенное отношение к проблеме полиса.

По итогам исследования большого массива данных Хансену удалось вывести определенную закономерность, которую он, на наш взгляд, несколько претенциозно называет «Копенгагенским законом о полисе» (*Lex Hafniensis de civitate*). Ученый формулирует этот закон следующим образом: в источниках архаического и классического времени термин «полис», используемый в смысле «город» (*town*) для обозначения того или иного городского центра (*urban centre*), прилагается не к любому городскому центру, а только к такому городу, который в то же время является центром полиса как политического сообщества (*political community*). Иными словами, термин «полис» в этих источниках имеет два разных значения: «город» и «государство». Но даже тогда, когда он используется в смысле «город», все-таки он одновременно почти всегда указывает на то, что греки называли полисом в политическом смысле, в смысле гражданской общины (*κοινωνία πολιτῶν πολιτεία*).

Этот закон, который, как подчеркивает Хансен, имеет в виду только древнегреческие полисы, насколько можно судить, призван оттенить «двуединство» категории полиса, причем при преобладании все же скорее «государственных», чем «городских» коннотаций.

С другой же стороны, для работы центра характерен один недостаток, за который уже и ранее по различным пово-

дам критиковали его руководителя М. Хансена: чрезмерно формальный подход к свидетельствам источников. Так, и материал по полису также максимально формализован: не случайно издания центра изобилуют разного рода перечнями, реестрами, каталогами. Просто-таки грандиозным предприятием представляется составление общего каталога всех древнегреческих полисов архаической и классической эпох, известных из источников (каталог выпущен в 2004 г.). Все такого рода списки могут быть весьма информативными, однако создается впечатление, что за ними как-то теряется живая реальность античной эпохи: ведь реальность, как известно, заведомо сложнее и многограннее любой самой лучшей схемы.

Важное место в исследованиях Копенгагенского центра занял сравнительный подход. Эллинский полис берется как явление не только античной, но и мировой истории и в этом качестве сопоставляется более чем с 30 типами городов-государств, известных для других эпох и регионов. Для сравнения берутся как вполне хрестоматийные примеры (города-государства Шумера, Финикии, Ассирии, Эбла, этрусские города, Рим и другие *civitates* Лация, кельтские *oppida*, города древней и средневековой Средней Азии, позднесредневековой и ренессансной Италии, города-государства майя и ацтеков и т. п.), так и отнюдь не очевидные, подчас даже спорные (например, раннесредневековые города Аравии типа Мекки, поселения викингов в Ирландии X в., «импер-

ские» и «вольные» города Германии от средневековья до XIX в., «города-государства» Юго-Восточной Азии и Африки или даже «викингские города Южной России», как они определены в сборнике). Несколько смущает всё тот же известный формализм подхода; в одну и ту же весьма расплывчатую, нетерминологичную категорию «городов-государств» оказались отнесены образования самого неодинакового порядка, отнюдь не родственные структурно-типологически.

* * *

Подчеркнув еще раз некоторую непродуктивность формального анализа, когда он применяется изолированно, без сочетания с иными методиками, дающими возможность содержательного постижения материала по существу, возвращаемся к основной нити изложения. Повторим, что применительно к полисной проблематике имеет место отсутствие согласия между специалистами практически в каждом вопросе. В том числе, например, и в таком ключевом, как рождение полиса: при преобладающем мнении, согласно которому это продукт послемикенской эпохи, сформировавшийся на протяжении первой половины I тыс. до н. э., имеются, однако, и идеи о микенском или даже домикенском происхождении полиса (А. ван Эффантерр, отчасти Ю. В. Андреев). Нет единства и в отношении проблемы критериев. Можно ли любую общину в Греции считать полисом?

Очевидно, всё-таки нельзя, поскольку полису в греческом мире имелись альтернативы. Данная тема в последнее время становится популярной в западной науке, хотя отечественного антиковедения эти новые веяния, как обычно и бывает, пока не коснулись. Даже в классическую эпоху, во времена высшего расцвета полисного строя, полис не являлся единственной формой государственного объединения в Элладе. Наряду с ними существовали, преимущественно в периферийных регионах, так называемые «этносы». Именно «этнос» следует признать важнейшей альтернативой архаическому и классическому полису.

Но что такое греческий «этнос» – в этом вопросе пока нет почти никакой ясности, поскольку названный феномен еще мало исследовался и до сих пор изучен в явно недостаточной степени. Не разработаны еще вполне четкие критерии, по которым можно было бы отличать «этнос» от полиса, так что не всегда понятно, к какой из этих двух категорий относить ту или иную конкретную политию. Если можно привести ряд примеров «этносов» в чистом виде (Этолия, Акарнания, Локрида и др.), то, с другой стороны, имелись и государственные образования, в которых черты «этноса» и полиса сочетались и переплетались при преобладании одних или других. Таковы Фессалия, Аркадия, Беотия, Элида и др. Характер перечисленных объединений неоднороден. В частности, Фессалию как целое на шкале «этнос» – полис следует разместить ближе к первому; но в то же время на ее территории

постепенно формировались полисы. В Беотии и Аркадии полисы, которые мы застаем в классическую эпоху, являются уже вполне сформировавшимися, но некоторые рудименты «этноса» сохранялись на общем уровне региона. Элида же, судя по всему, прошла путь перерождения «этноса» в единый крупный полис.

Несмотря на то что сам термин «этнос» может быть буквально переведен как «племя», греческий «этнос», конечно, не был каким-то примитивным племенем в смысле категории родоплеменного строя, изучаемого этнографией и историей первобытности. Он являлся, как и полис, тоже некоей формой социально-политического устройства, общиной, предполагавшей наличие гражданства. Пожалуй, в «этносе» в большей степени выступал на первый план территориальный элемент, в то время как в полисе – человеческий фактор. Ведь, по известной формулировке Фукидида, отразившего здесь общегреческие представления, полис – это «люди, а не стены».

В связи со сказанным отметим, что в историографии велась дискуссия на тему, возможны ли были в античной Греции полисы вообще без территории. Некоторые ученые отрицают такую возможность. Мы же считаем, что в принципе она наличествовала. Случаи такого рода были очень несчастными; обычно приводят одни и те же, ставшие хрестоматийными примеры (афинский флот на Самосе в 411 г. до н. э., не признавший олигархического переворота Четырехсот на

родине, отказавшийся подчиняться новому правительству и на какое-то время конституировавшийся как своего рода отдельный независимый полис; наемное войско «Десяти тысяч» в составе сил Кира Младшего, в ходе своего отступления из Персии тоже, по сути дела, организовавшееся в «полис на походе»). Иными словами, перед нами в любом случае не правило, а исключение, возможное только в неординарных, чрезвычайных обстоятельствах.

В норме полис, безусловно, должен был обладать определенными постоянными земельными владениями. Не случайно одно из самых серьезных наказаний для гражданина полиса – это изгнание с полисной *территории*. Тем не менее сама возможность пусть редко и ненадолго, но все-таки создавать «бестерриториальные» полисы лишний раз подчеркивает отмеченную выше первичность человеческого фактора в полисном типе государственности.

«Этнос» был в известном смысле одной из пресловутых «альтернатив полису». Однако эта альтернатива так и осталась на заднем плане, а специфику греческой античности во всех отношениях определил именно полис. Он не был и не признавался единственно возможной для эллинов формой сообщества людей. Но он был и признавался формой, так сказать, «идеальной». Такую картину встречаем и в реальной жизни греков, и во всех теоретических построениях их мыслителей – Платона, Аристотеля и т. д.

Переходя к более детальной характеристике категории полиса, в первую очередь настоятельно подчеркнем необходимость различать между полисом архаическим и полисом классическим. Это, разумеется, не одно и то же; это – две стадии в развитии феномена. Формирование архаического и классического полиса – тоже два разных процесса, которые не следует смешивать друг с другом. Оба процесса имели в полной мере революционный характер (революцию понимаем здесь в максимально широком смысле, не обязательно как некий насильственный переворот, но как качественный скачок, выход на новый уровень).

Совершенно справедливо выдающийся археолог и один из крупнейших специалистов в области складывания полиса Э. Снодграсс модифицирует давно уже вошедшее в арсенал антиковедения понятие «архаической революции». Он указывает, что на самом деле имели место две «архаические революции» – в начале и в конце эпохи архаики. В ходе первой из них произошло формирование полисов из «осколков» распавшихся монархий микенского времени, через промежуточный этап протополиса. В этот период полис возникал как полис архаический. Главный элемент данного процесса – складывание системы полисных институтов. Следует упомянуть, в частности, постепенное создание набора базо-

вых магистратур. Оно лучше всего прослеживается на афинском материале, из которого видно, что путь от пожизненной царской власти к полисной магистратуре архонтата шел по нескольким параллельным линиям. Во-первых, должность становится выборной, затем в несколько этапов происходит сокращение срока пребывания в ней – до 10 лет, затем до 1 года. Одновременно расширяется круг лиц, имеющих право занимать эту магистратуру, – от царского рода Медонтидов ко всем евпатридам. Третья линия – увеличение количества магистратур от одного царя до девяти архонтов; это предпринималось в целях придания власти коллегиального характера, дабы избежать ее концентрации в одних руках. В целом можно считать, что в Афинах процесс формирования архаического полиса завершился к середине VII в. до н. э., то есть охватил собой первую половину эпохи архаики. В сопоставимые сроки это произошло и в ряде других регионов греческого мира, а именно в тех, которые развивались относительно быстрыми темпами.

Вторую же половину архаической эпохи охватывает формирование классического полиса, в основном завершившееся в тех же передовых регионах к рубежу VI–V вв. до н. э. Если брать уже упомянутые Афины, то в них основные шаги на этом направлении – законодательство Драконта, реформы Солона, тирания Писистрата и Писистратидов, наконец, деятельность Клисфена. Если же брать греческий мир в целом, то не может не броситься в глаза целый ряд принци-

пиально новых реалий, появившихся именно на указанном хронологическом отрезке. Среди них – кодификация права; введение гоPLITской фаланги и нарастание связанных с ее социальными функциями эгалитарных тенденций; резкая интенсификация внутриволисных смут (стасиса) и, как результат, частое установление тиранических режимов, относимых наукой к т. н. Старшей тирании; вытеснение архаических форм зависимости (как долговая кабала или внеэкономическая эксплуатация покоренного местного населения) и развитие классического рабства.

Подчеркнем, что в категории «архаический полис» и «классический полис» мы вкладываем не столько хронологический, сколько стадияльно-типологический смысл. Дело в том, что даже и в классическую эпоху в греческом мире вполне можно было встретить полисы, остававшиеся еще на «архаической» стадии и не продвинувшиеся на «классическую». Если говорить о полисах крупных и известных, то таковы, бесспорно, Спарта, полисы Крита, в значительной степени Аргос и др.

Сказанное позволяет предложить новый вариант типологии греческих полисов. Вопрос о такой типологии весьма сложен и дискусионен; выдвигались разные ее варианты. Например, полисы аграрные и полисы торгово-ремесленные. Но подобная дихотомия некорректна. Ведь хотя степень развития ремесленного производства и торгового обмена в различных государствах Эллады могла быть большей или мень-

шей, но, насколько можно судить, ни в одном из них эта сфера хозяйственной деятельности не являлась основой экономики; такой основой всюду являлось сельское хозяйство. Иначе говоря, ни один полис не может быть назван торгово-ремесленным в строгом смысле слова.

Весьма большая роль ремесла и торговли в таких, например, полисах, как Эгина, Милет, Коринф, Фокея, конечно, не может быть поставлена под сомнение. Эгинские купцы славились своим богатством; в Милете прослойка богатейших людей называлась «аэйнавтами» (вечно плавающими), что, безусловно, означает их причастность к морской торговле. Но у нас нет данных, чтобы категорично делать очень ответственный вывод о том, что в этих полисах (даже на Эгине) ремесло и торговля представляли собой основу экономики, то есть занимали в ее структуре больший удельный вес, чем сельское хозяйство, иными словами, что среди эгинских жителей торговцев и ремесленников было больше, чем крестьян. Из источников это не истекает. Кстати, что касается конкретно Эгины, то, конечно, соблазнительно напрашивается следующий ход мысли: на маленьком островке земли, вероятно, на всех не хватало, и многие жители из-за этого должны были обеспечивать себе существование ремеслом и торговлей. Однако похоже, что на Эгине земельный голод все-таки не ощущался. Иначе она была бы среди активных участников Великой колонизации, а это не так.

Далее, предлагалось делить полисы на демократические

и олигархические, то есть за базовый критерий различения бралась форма политического устройства. Но такая классификация тоже несет в себе некоторое упрощение. Как демократия, так и олигархия в полисных условиях могли быть очень разными; провести четкую грань, скажем, между умеренно-олигархическими режимами и некоторыми более консервативными («гоплитскими») демократиями вообще вряд ли представляется возможным. Не говорим уже о том, что в одном и том же полисе государственный строй мог меняться: олигархическое правление сменялось демократическим, впоследствии вновь возвращалась олигархия (случалось и такое), вкрапливались интерлюдии тирании, вообще не находящей отражения в разбираемой типологии, и т. д.

Итак, предлагаемый нами вариант типологии греческих полисов доэллинистического времени – полисы архаического типа и полисы классического типа. Безусловно, и такая типология тоже не охватит всего разнообразия существующих условий. Двух «полисов-близнецов» в Греции просто не было. Любое обобщение в какой-то степени «хромает», тем не менее без обобщений обойтись нельзя. И тут уж приходится мириться с тем, что всегда останутся исключения из правила. В первую очередь таким исключением будут, конечно, Афины на протяжении большей части V и IV вв. до н. э., когда они были полисом уникальным, близких аналогий практически не имеющим.

Афинское государство стало столь нетипичным, разуме-

ется, далеко не сразу: не в ходе законодательства Солона и даже не в результате реформ Клисфена. Даже после этих последних Афины оставались еще более или менее «нормальным» классическим полисом. В серьезное отклонение от этой нормы они начали превращаться ближе к середине V в. до н. э. Главную роль в указанном процессе сыграли реформы Эфиальта – Перикла, в результате которых в «городе Паллады» установилась самая развитая демократия античного мира, опирающаяся на гегемонию в имперской по своей сути Афинской архэ. Этот последний шаг не был сделан, пожалуй, ни одним другим полисом.

В связи с Афинами встает вопрос: не следует ли ввести в нашу типологию еще один, третий тип – «модернизированный полис» (наименование условное)? Однако несколько беспокоит, что такой тип окажется в греческом мире исключительно редок, в сущности, единичен. В полной мере к нему можно отнести только Афины периода расцвета демократии. Ближе всего к этому образцу подошли, быть может, Сиракузы V в. до н. э. Но они, во-первых, всё же не прошли тот же путь полностью; во-вторых, сиракузская демократия оказалась нестабильной и на исходе столетия, как известно, уступила место тирании Дионисия Старшего. Одним словом, данный полис не являет собой столь же яркого и характерного примера предложенного здесь третьего типа, скорее находится где-то на подступах к нему. Удивляться этому тоже не следует: чистота типов возможна только в

теории, на практике же, естественно, имел место широкий спектр различных переходных вариантов.

Афины – сюжет сам по себе весьма интересный, о котором с большой пользой можно было бы долго и подробно говорить. Однако нас здесь интересуют не столько Афины, сколько полисы более типичные (будь то архаического или классического типа). Только это позволит как-то обобщить ситуацию. Поэтому нижесказанное будет, конечно, базироваться в числе прочего и на афинском материале, но в основном не из «Периклова века», а более раннем, когда Афины еще не столь уникальны и более показательны.

* * *

Далее необходимо оговорить, что в типах «архаический полис» и «классический полис» следует видеть не только различие, но и черты сходства – те, которые позволяют относить оба типа к категории полиса (а не сближать, скажем, архаический полис с «этносом»). Речь, таким образом, идет о том, что в первую очередь характерно для полиса как такового – при всех конкретных отличиях и почти необъятном разнообразии проявлений общих принципов. Какие признаки делают полис полисом?

Ставя эти вопросы, мы напрямую выходим на проблему определения полиса. Проблема эта также является сложнейшей, по ней немало сломано копий в научных дискуссиях.

Нам представляется, что в данной ситуации особенно уместен совет «Семь раз отмерь – один отрежь». Не станем спешить со скороспелыми выводами; будем двигаться к искомому определению постепенно, шаг за шагом, уточняя его, конкретизируя, оттачивая. Главное – заботиться о том, чтобы выстроилась четкая логическая цепочка аргументации, без пробелов и по возможности без «слабых звеньев», чтобы полученные результаты не содержали противоречий, как внутренних, так и с источниковым материалом.

В любом случае определение, которое получится, будет, бесспорно, рабочим, предварительным. Оно, в частности, будет сделано всецело на тех данных, какие предоставляет история греческих полисов архаической и классической эпох, то есть на данных, которые лучше всего известны автору этих строк. Мы уверены, что рассмотрение данных по эллинизму и Риму, осуществляемое в других лекциях этого курса, позволит обогатить понимание полиса рядом других важных и ценных деталей.

Прежде всего выскажем свое отношение к весьма распространенному в западном антиковедении определению полиса как города-государства. В отечественной науке эта формулировка обычно подвергается критике, признается некорректной или даже вообще неприемлемой. Мы в данном вопросе занимаем не столь ригористичную позицию и в принципе допускаем, что разбираемое определение может иметь определенную эвристическую ценность. Но только в том слу-

чае, если не забывать обязательно делать две важные оговорки. Во-первых, применительно к полису сами понятия «город и государство» нужно понимать в специфически античном смысле, который далеко не во всем тождествен современному. Во-вторых, следует учитывать, что полис – не только город и не только государство, а нечто большее: при применении системного подхода сумма не вполне совпадает с совокупностью своих слагаемых.

Разберем сказанное более детально и аргументированно. Прежде всего, очевидно, все согласятся с тем, что полис есть *община*. Оговорить это необходимо, так как это первый шаг к пониманию феномена, но именно пока только первый. Сказать, что полис есть община, – еще почти ничего не сказать, поскольку общин в мировой истории было чрезвычайно много, и все они были очень разными и не похожими друг на друга.

Поэтому делаем второй шаг: полис есть *гражданская* община. На этом этапе анализа мы выходим на такую характеристику полиса, которую вообще следует признать одной из важнейших, наиболее принципиальных: полис теснейшим образом связан с категориями гражданина и гражданства. Эти категории имели ключевое значение для всего полисного бытия, и только на их основе может быть адекватно познан феномен полиса.

Но и на этом втором шаге тоже нельзя останавливаться: пока мы еще не оттенили всю специфику полисного типа об-

щества. Скажем, к греческому «этносу» всё вышесказанное тоже в полной мере относится: он также являлся общиной, и в нем также имелось гражданство. Последнее выразилось в том, что граждане «этносов» (как и граждане полисов) носили этниконы, то есть в состав их полного гражданского имени входило обозначение принадлежности к данному государству. Как гражданин Афин при контактах с иноземцами именовался «имярек, афинянин», так, допустим, житель Этолии – «имярек, этолиец».

Следовательно, для уточнения определения нужно делать очередной шаг. И если два предыдущих, думается, ни у кого сомнения не вызвали, то этот, третий, скорее всего вызовет у части читателей возражения. Он заключается в следующем: полис есть *городская* гражданская община.

Почему мы говорим о возможных возражениях? В отечественной историографии получила широкое распространение точка зрения, особенно детально развивавшаяся выдающимся антиковедом Г. А. Кошеленко и учеными его школы. Согласно данной точке зрения, полис и город – принципиально разные феномены, не имеющие, в сущности, ничего общего. Соответственно, двумя не совпадающими друг с другом процессами являются, с одной стороны, формирование и развитие полиса в Греции, а с другой – формирование и развитие там города. Эти процессы даже во многом ставятся в ситуацию противоположности, противостояния между собой.

Традиционно приводятся аргументы такого рода: существовал афинский полис, в котором в классическую эпоху имелся не один, а как минимум два городских центра – сами Афины и Пирей. Кстати, по нашему мнению, городских центров в Аттике было даже больше, чем два; по крайней мере Элевсин мы явно тоже должны относить к их числу. В то же время существовал и такой полис, как Спарта, – вообще не урбанизированный, не имевший четких признаков городского центра.

Всё это, бесспорно, верно. Однако надлежит помнить о нескольких существенных обстоятельствах. Во-первых, вышеприведенные примеры представляют собой исключения, отклонения от нормы. Ни Афины, ни Спарту никто не назовет типичным полисом. А исключениями вряд ли могут аргументироваться общие закономерности. Во-вторых, необходимо придерживаться принципа историзма и не применять к иным эпохам критерии, свойственные нашей. Такой тип населенного пункта, который по современным меркам никак не может считаться городом и который мы ни в коем случае не признали бы таковым, в античном греческом мире вполне мог восприниматься как город.

В-третьих – и это, пожалуй, наиболее важно, – пользуясь категорией «город», следует учитывать, что в античности она не только в количественном, но и в качественном аспекте имела во многом иное смысловое наполнение, нежели в наши дни. Противопоставление полиса и города правомер-

но, если исходить из нынешнего понимания города как более или менее крупного центра промышленного (применительно к доиндустриальному времени – ремесленного) производства и торговли, центра, противопоставленного деревне, сельской местности – средоточию аграрного сектора экономики. Такая ситуация сложилась в Европе в эпоху средневековья и существует, в общем, по сей день.

В античной Греции было иначе: противопоставления города и деревни не наблюдалось, они воспринимались не как антагонистические элементы, а как необходимые части единого целого. Применительно к греческим реалиям следует вести речь об аграрных городах, по крайней мере в подавляющем большинстве случаев. Основу населения древнегреческого города составляли не ремесленники и торговцы (хотя они, вне всякого сомнения, наличествовали почти в любом полисе), а крестьяне. Противопоставление горожан и крестьян как социально-экономических групп уже поэтому не могло получить развитие. В условиях полиса город был интегрально, теснейшим образом связан со своей хорой. Они были взаимодополняющими и друг без друга не мыслились, представляли собой два компонента одной системы «город – хора», которая, в сущности, и представляла собой полис. Именно в рамках названной системы «город – хора» уместнее всего трактовать определение полиса как городской гражданской общины. Поэтому, кстати, встречающееся в исторической литературе выражение «полис и хора»

представляется нам не вполне корректным, поскольку нельзя противопоставлять целое и его часть.

Следующий (и уже, наверное, последний) шаг в формулировке нужного нам определения будет таким: полис есть городская гражданская община, *конституирующая себя как государство*. Здесь подчеркивается момент политического суверенитета, представляющийся исключительно важной характеристикой архаического и классического полиса. Полис, каким бы маленьким он ни был, являлся полноценным государством, со всеми атрибутами государственной независимости: властями, армией, финансами, законами и т. д. Акцент на этом позволит нам еще лучше отличать полис от других гражданских общин, существовавших даже и в той же Греции, но государствами не являвшихся. Достаточно вспомнить, например, о демах в Аттике. Они ведь тоже были гражданскими общинами; более того, дем – в некоторых отношениях полис в миниатюре, что давно уже было замечено: в античности – Фукидидом, в современной историографии – целым рядом исследователей. В демах имелись даже органы местного самоуправления, копировавшие общеполисные институты и располагавшие довольно существенными полномочиями. Поэтому, кстати, не столь давно появилась парадоксальная точка зрения, согласно которой Афины, воспринимавшиеся как «федерация демов», были, собственно, не полисом, а «этносом». Но согласиться с этой точкой зрения нельзя (да и в античности Афины всегда воспринима-

лись именно как полис, а отнюдь не как «этнос»). Дем не может быть «точкой отсчета» для политической структуры именно потому, что он в отличие от полиса не обладал политическим суверенитетом, не являлся государством.

Говоря о принципе политического суверенитета, следует учитывать, что из него, на первый взгляд, были возможны исключения. Так, полисы в системе Афинской архэ V в. до н. э. были с определенного момента фактически лишены своей государственной независимости. Но ведь жители этих полисов и осознавали такое положение как совершенно ненормальное, при первой же возможности пытались избавиться от чрезмерно далеко зашедшей гегемонии Афин. Кстати, давно уже было подмечено: временем высшего экономического, политического, культурного расцвета Ионии была первая половина архаической эпохи. Попав под власть Персии, этот передовой регион пришел в некоторый упадок, но, что самое главное, не возродился от упадка и после освобождения от контроля Ахеменидов в ходе Греко-персидских войн. И не возродился именно потому, что на смену одному чуждому владычеству пришло другое, афинское (а потом спартанское, а потом снова ахеменидское...). Иными словами, один из кардинальных принципов полисного типа социума по отношению к этим городам продолжал нарушаться, и они уже не являлись полноценными полисами.

Коль скоро об этом зашла речь, автору представляется необходимым сделать небольшое отступление и хотя бы в

двух словах сформулировать свое отношение к эллинистическим полисам, дабы в его позиции были расставлены все точки над *i*. Часто подчеркивают, что полисные формы жизни оказались весьма живучими, что они продолжали свое существование и в период эллинизма, и позже, вплоть до конца античности. В целом ряде отношений это, бесспорно, так. Но можно ли считать полноценными полисами те полисы, которые находились на территории эллинистических монархий и подчинялись власти их царей? Мы в этом не уверены – именно потому, что они уже не являлись политически суверенными. Общинами они, разумеется, были, но не были уже государствами. И, во всяком случае, *sub specie* архаического и классического полиса эти эллинистические полисы – вопиющее отклонение от нормы.

Принцип политического суверенитета в словоупотреблении самих греков выражался термином «автономия» (т. е. «жизнь по собственным законам»). Рука об руку с этим понятием шло понятие автаркии – экономического суверенитета. Впрочем, строго говоря, автаркия (самодовление, самодостаточность) – категория не чисто экономическая; она являлась в значительной степени одной из общих основ всего бытия греческого полиса и мировосприятия, выросшего в рамках этого бытия.

Итак, подведем некоторые предварительные итоги. Из краткой формулировки «город-государство» мы путем ряда последовательных корректировок и уточнений выводим

следующее рабочее определение полиса: городская гражданская община, конституирующая себя как государство. Акцент здесь делается, во-первых, на ключевом значении категорий гражданина и гражданства для жизни полиса; во-вторых, на городском (в античном смысле) характере полисной цивилизации; в-третьих, на наличии политического суверенитета.

* * *

До сих пор речь шла в основном о политическом аспекте феномена полиса. Но не менее важным представляется нам его религиозное «измерение» – несмотря на то, что оно обычно в исследовательской литературе не является предметом столь же пристального внимания. С одной стороны, полис есть городская гражданская община, конституирующая себя в качестве политической организации, то есть государства. Но, с другой стороны, в той же мере полис есть городская гражданская община, конституирующая себя в качестве религиозной организации. Здесь напрашивается продолжение «...то есть церкви», и если мы воздерживаемся от употребления слова «церковь», то только потому, что это слово несет в себе ряд устойчивых коннотаций вполне определенного характера, с трудом увязывающихся в современном сознании с античной языческой религией. Впрочем, в западной исследовательской литературе можно встретить и фор-

мулировки такого рода: в условиях религии, не имевшей ни элементов откровения, ни канона священных текстов, ни духовенства, полис играл роль церкви. Во всяком случае, церкви как особой, отдельной от государства организации никогда не существовало ни в одном полисе.

Указанный религиозный аспект полиса также совершенно необходимо учитывать, причем не только на стадии уже развитого полисного социума, но и на стадии его формирования. Французский ученый Ф. де Полиньяк в 1980-х – 1990-х гг. в ряде этапных работ убедительно продемонстрировал синхронность и взаимосвязь «рождения» полиса в Греции и появления крупных святилищ, детально изучил, насколько велика была роль этих святилищ в складывании полисных структур. На эту роль еще до него указывал Э. Снодграсс, но новизна подхода де Полиньяка заключалась в том, что он сделал особый акцент на святилищах на окраине хоры и ввел категорию «биполярного полиса». В этой системе появляются, так сказать, два «полюса», создающие в совокупности «сакральную ось» государства: центральный полюс – сам город с его святынями на акрополе и маргинальный полюс – крупное святилище на хоре.

Французский антиковед считает, что имелись и исключения из выведенной им нормы «биполярного полиса», и важнейшим из этих исключений он называет Афины. Однако, на наш взгляд, они таковым все же не являлись, во всяком случае, с того времени, как в состав афинского государства

был включен Элевсин: тамошнее святилище Деметры стало выполнять искомую роль второго, маргинального полюса. В целом, конечно, нельзя сказать, что концепция де Полиньяка всеми безоговорочно принята; раздаются и голоса против, акцентирующие некоторую умозрительность предложенной схемы. Разумеется, любая схема, более того, любое обобщение в какой-то степени является упрощением действительности, и с этим ничего поделать нельзя. Но из этого не вытекает, что мы должны отказаться от обобщений. Во всяком случае, концепция «биполярного полиса» заслуживает самого внимательного к себе отношения; после ее появления уже нельзя ее не учитывать и писать о полисной организации так, как писали до того.

Итак, полис – не только политическое пространство, но еще и пространство сакральное. Остановимся на этом подробнее. Любая цивилизация творит собственную пространственную модель и, в свою очередь, сама как бы творится ею. Разумеется, сформировалась своя пространственная модель – самобытная и, возможно, даже уникальная – и в рамках древнегреческой полисной цивилизации. Здесь невозможно рассмотреть эту модель во всей ее целостной совокупности. Мы кратко сформулируем лишь некоторые положения, имеющие отношение к одному из ее аспектов, а именно к тому, который связан с категорией сакрального.

Среди важнейших бинарных оппозиций, характеризующих ментальность человеческих обществ, находится оп-

позиция «сакральное (священное) – профанное (мирское, светское)». Эта оппозиция, рождающаяся из религии, оказывает принципиальное влияние и на пространственное мышление: пространство в традиционных культурах воспринимается не как семантически нейтральное и однородное, а как по-разному структурированное и иерархизованное в зависимости от степени своей сакральности. При этом, насколько можно судить, такое структурирование имеет неодинаковую форму в различных цивилизациях.

Что касается конкретно античного греческого полиса, в его пространственной модели категория сакрального также имела существенную специфику, порожденную самим характером полисной религиозности. Как уже отмечалось чуть выше, полис как таковой являлся не только политическим, но и религиозным феноменом; в нем религиозные и государственные структуры в принципе совпадали. «Религиозная функция» в Греции с самого начала существования полисов не была автономной, четко выделенной, в отличие от большинства других социумов; она неразрывно переплеталась с прочими аспектами общественной жизни. В подобных условиях было решительно невозможно, например, такое явление, как конфликт между духовной и светской властями. Собственно, конфликтовать было некому и не с кем: духовная и светская власть воплощалась в одних и тех же институтах и лицах.

Описанная ситуация предопределяла практическую

невозможность строгого разграничения сакральной и «светской» сфер на уровне полиса. В полисе было сакрализовано буквально всё, любая сфера общественной деятельности. Это очень четко видно, в частности, на уровне правовой культуры. Если римское право содержало в себе подчеркнутое различие *ius* и *fas*, права светского и права сакрального, то в древнегреческих правовых системах грань между этими областями провести чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Проиллюстрируем данный тезис конкретным примером. Техническое выражение τὰ ἱερὰ καὶ τὰ ὄσια означало в греческом праве, как обычно считают, эквивалент латинского *sacra et profana*, совокупность религиозного, «божеского», с одной стороны, и мирского, «человеческого» – с другой. Однако, как убедительно показал итальянский исследователь А. Маффи, в таких контекстах слово ὄσιον все же вряд ли может быть безоговорочно понимаемо как «светский», «профанный» в полном смысле слова. Резоннее вести речь о различных уровнях сакрального. Если ἱερόν имеет отношение к сфере, связанной собственно с богами, то ὄσιον – к сфере, связанной с полисом, который, как мы видели, был сам по себе организацией насквозь сакрализованной.

Сказанное об «уровнях сакрального» имеет самое прямое отношение к пространственному структурированию полиса. В его сакральной «плоти» отчетливо выделялись отдельные участки, обладавшие повышенной сакральностью,

так сказать, «очаги сакрального». Применительно к урбанистическому центру полиса, к городу как таковому, следует говорить прежде всего о двух таких «очагах». Во-первых, это акрополь, городской «кремль», средоточие религиозного и цивилизационного континуитета, место концентрации наиболее древних и священных преданий и символов. Отметим, что даже и на акрополе степень сакральности пространства не повсюду была равной и однородной. В Афинах она в наибольшей мере концентрировалась в храме, который для классической эпохи известен под названием Эрехтейона и находился на месте царского дворца микенской эпохи. Во-вторых, агора – главная городская площадь. Сакральный характер этого пространства на практике выражался помимо прочего в том, что входы на агору маркировались специальными пограничными камнями (ὄροι). Доступ на агору категорически запрещался, в частности, лицам, считавшимся «оскверненными» в религиозном отношении (например, совершившим убийство), дабы они своим присутствием не запятнали святыни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.